

С. Гессен

**Политические идеи
жирондистов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
С11

С11 **С. Гессен**
Политические идеи жирондистов / С. Гессен – М.: Книга по Требованию,
2023. – 48 с.

ISBN 978-5-458-54021-6

ISBN 978-5-458-54021-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

наго свойства всегда все-таки искали также и принципиальных разногласий и видѣли причину вражды въ противоположности политическаго и даже философскаго міровоззрѣнія противникомъ, то новѣйшіе историки склонны, наоборотъ, отрицать идейную самостоятельность обѣихъ враждебныхъ группъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, наприм., Олара, противорѣчіе Жиронды и Горы отнюдь не носитъ столь общаго характера, какой ему приписывали раньше; оно основано на разногласіи въ вопросахъ текущей политики, правда, основномъ: жирондисты являются представителями департаментской, монтаньяры—парижской политики. Жоресь въ еще большей степени отрицаетъ возможность говорить о политическомъ міровоззрѣніи жирондистовъ въ противоположность политическимъ взглядамъ монтаньяровъ. Ихъ теорія является, по его мнѣнію, лишь «предлогомъ, притянутымъ заднимъ числомъ для того, чтобы оправдать самонадѣянную и непримиримую оппозицію» ¹⁾. Намъ кажется, однако, что въ данномъ случаѣ необходимо различать два вопроса: вопросъ о происхожденіи и причинахъ тѣхъ или иныхъ политическихъ взглядовъ и о наличности таковыхъ, какъ стройнаго и цѣльнаго міровоззрѣнія. Отъ перваго вопроса мы въ данномъ случаѣ отвлекаемся, какъ ни интересенъ онъ можетъ быть самъ по себѣ. Второй же вопросъ намъ кажется возможно разрѣшить положительно. Не только Оларъ, который въ вопросѣ о происхожденіи идейнаго разногласія защищаетъ въ общемъ ту же точку зрѣнія, которую раздѣляетъ и Жоресь, говоритъ о двухъ противоположныхъ «политикахъ», но и Жоресь, кото-

¹⁾ *Jaurès*: „La Convention“, стр. 1459, 1447—1464. *Louis Blanc*: „Histoire de la Révolution Française“, особенно Livre IX, Chapitre V. *Оларъ*: „Политическая исторія французской революціи“. Книга II, глава 7, т. § 3. *Aulard*: „Les Orateurs de la Législative et de la Convention“. Т. I. 2 éd., стр. 202и сл.

рый, пожалуй, изъ всѣхъ новѣйшихъ историковъ придерживается въ этомъ отношеніи самаго крайняго мнѣнія, все же упоминаетъ о «мнѣніяхъ» и «теоріяхъ» жирондистовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы и попытаемся конструировать политическое міровоззрѣніе жирондистовъ, основываясь на рѣчахъ ихъ въ законодательномъ собраніи и конвентѣ, публицистическихъ писаніяхъ ихъ того же времени и въ особенности на проектѣ конституціи, носящемъ ихъ имя ¹⁾. Мы вполнѣ понимаемъ опасность и недопустимость такого метода конструирования для историка *событій*, но онъ намъ представляется совершенно необходимымъ для историка политическихъ теорій въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Въ данномъ случаѣ задача наша облегчается однако еще тѣмъ, что, какъ намъ кажется, возможно найти такую общую точку зрѣнія, которая позволила бы усмотрѣть нѣкоторое единство въ многообразіи случайно высказывавшихся взглядовъ, какъ бы ни были противорѣчивы тѣ дѣйствія, оправданіемъ которыхъ они должны были служить. Эта общая точка зрѣнія есть, какъ мы постараемся это показать ниже, точка зрѣнія національнаго суверенитета. По цѣлому ряду причинъ, о которыхъ тоже рѣчь будетъ итти ниже, идея національнаго суверенитета, идея націи, какъ сознававшего свое единство и свои права народа, была господствующей политической идеей въ эпоху Великой Революціи. Она была пробнымъ камнемъ, опредѣлявшимъ характеръ того или

¹⁾ Рѣчи мы цитируемъ по *Buchez et Roux*: „Histoire parlementaire de la Révolution française“. Помѣщенные въ избранномъ собраніи рѣчей ораторовъ французской революціи, составленномъ *Stephens*-омъ— по этому собранію. *Stephens*: „Orators of the French Revolution“. Т. I. Проектъ конституціи („La Girondine“) по *Buchez et Roux*. Т. XXIV, стр. 106—154. Докладъ *Кондорсе* къ проекту по *Lallement*: „Choix de rapports, opinions et discours etc.“. Tome XII. Paris. 1820.

иного политическаго міровоззрѣнія,—тѣмъ фокусомъ, въ которомъ въ концѣ-концовъ сходились тѣ или иные спеціальныя взгляды, высказывавшіеся по случайнымъ поводамъ. Въ пониманіи націи, какъ единого сувереннаго народа, осуществляющаго черезъ посредство своихъ органовъ свою общую волю, не было разногласія. Это пониманіе было тѣмъ общимъ фономъ, на которомъ тѣмъ рѣзче вырисовывались принципіальныя разногласія, касавшіяся организациі національнаго суверенитета, способа осуществленія національной воли. Въ этомъ коренномъ вопросѣ общей политики *теоретическое* разногласіе обѣихъ партій предоставленной самой себѣ революціи несомнѣнно. Если обѣ партіи и «руководились», быть можетъ, различными классовыми, вѣрнѣе, частными интересами, то это различіе вылилось въ различное пониманіе націи, какъ осуществляющаго свой суверенитетъ единого цѣлаго. Классовое сознаніе вылилось въ различнымъ образомъ окрашенное національное чувство: одно, какъ мы увидимъ, болѣе національное, другое—болѣе классовое. Конечно, только съ теоретической точки зрѣнія; съ точки зрѣнія практики, достигнутыхъ результатовъ это послѣднее было, быть можетъ, болѣе національнымъ. Имѣя въ виду однако теоретико-политическую сторону вопроса, мы и остановимся здѣсь подробно лишь на этомъ національномъ пониманіи народнаго суверенитета, которое, правда, какъ мы увидимъ это ниже, оказалось слишкомъ доктринерскимъ для того, чтобы послужить реальному дѣлу спасенія только что образовавшейся націи. Мы имѣемъ въ виду жирондистскую теорію національнаго суверенитета.

Правомѣрность нашей постановки вопроса можетъ быть оправдана также иного рода соображеніями. «Национальное» XIX столѣтіе не случайно начинается революціей. Будучи въ значительной степени созданіемъ стараго порядка, нація все же родилась въ эпоху революціи.

Именно тогда, въ 1789 году, безправный порабощенный народъ старой абсолютной монархіи впервые (по крайней мѣрѣ, на континентѣ) сдѣлался сознающей себя суверенной націей. И тогда повсюду въ XIX столѣтіи національныя (не націоналистическія) движенія были связаны съ движеніями революціонными, направленными противъ стараго порядка. Поэтому и съ этой точки зрѣнія представляется интереснымъ уяснить себѣ тѣ взгляды, которыхъ придерживались руководящія партіи эпохи образованія современной націи и революціоннаго воспитанія ея. Никогда позднѣе не возбуждали они такой вѣры и такого энтузіазма, какой вызывали они тогда, никогда не выливались они въ такой чистой и строго изящной формѣ, въ какой формулировала ихъ эта счастливая въ непосредственности своей эпоха, пережившая рѣдкій по силѣ подъемъ національнаго чувства.

I.

Мы уже сказали выше, что нація, родившаяся среди бурь революціи, въ значительной мѣрѣ есть созданіе стараго порядка. Въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это утвержденіе? Старый порядокъ создалъ всѣ тѣ условія, которыя были необходимы для образованія націи, мало того, которыя необходимо вели къ этому. Все нивелируя и централизуя, всевластная бюрократія стараго порядка уничтожила всѣ существенныя различія старыхъ феодальныхъ провинцій, создала тѣсное внутреннее единство всего населенія Франціи,—единство, глубоко идущее, простирающееся на самыя мелкія явленія частной жизни¹⁾. Но это внутреннее единство всего французскаго населенія—результатъ многовѣковаго постепеннаго развитія,

¹⁾ Ср. *Champion*: „L'unité nationale et la Révolution“, въ „Révolution française“. Т. XII, стр. 19—20. *Ардашевъ*: „Провинціальныя администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка“. Т. I, стр. 97 и сл., 1900 г.

обусловленного глубокими факторами экономического и идейного порядка, — оставило нетронутыми старые феодальные различія. Они продолжали существовать, хотя роль ихъ, конечно, совершенно измѣнилась. То, что прежде, въ эпоху феодализма, было содержаніемъ соціальной жизни, что являло собой необходимое, само собой понятное и потому жизнеспособное *право*, выродилось теперь въ непонятную бесполезную *привилегію*, отъ которой вѣяло разложеніемъ и смертью, которая мѣшала дальнѣйшему соціальному развитію Франціи.

Для «старого порядка» и было особенно характернымъ, какъ это классически показалъ *Токвиль* ¹⁾, что наряду съ внутреннимъ единствомъ и равенствомъ въ немъ попрежнему существовали формальные, но все же рѣзкія сословныя и корпоративныя противорѣчія. Старый порядокъ означалъ господство права, выродившагося въ привилегію. Уничтоженіе сословій стало, такимъ образомъ, необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія общества. Внутреннее единство и равенство общества требовали своего внѣшняго признанія. И дѣйствительно, всѣ живые элементы французскаго общества, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые, ведя паразитное существованіе, были непосредственно заинтересованы въ сохраненіи старыхъ привилегій, жадно стремились къ новому праву, которое отвѣчало бы новымъ соціальнымъ условіямъ. Это стремленіе къ новому праву было до того сильно и единодушно, что въ немъ объединились всѣ многочисленныя національности и классы Франціи, какъ бы ни были глубоки ихъ этнографическія и экономическія различія. Прежній многоязычный пестрый и поработанный *народъ* превратился въ единую и сознающую себя *націю*. Сами современники этого переворота ясно сознавали его смыслъ, такъ что даже

¹⁾ Старый порядокъ и революція.

формула, которой мы здѣсь воспользовались для его характеристики, была впервые высказана ими. Такъ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій генеральныхъ штатовъ послѣ того какъ съ присоединеніемъ духовенства и дворянства къ третьему сословію они утратили свой сословный характеръ и возникъ вопросъ о переименованіи ихъ въ соответствующемъ совершившемся факту духъ, возгорѣлась извѣстная полемика между Мирабо, съ одной стороны, предлагавшимъ переименовать генеральные штаты въ «собраніе представителей народа» и Target и Touret, съ другой стороны, предлагавшими названіе „національнаго собранія“. Изъ двухъ словъ (peuple и nation) побѣдило, какъ извѣстно, второе,—и эта побѣда несомнѣнно отражала настроеніе широкихъ круговъ французскаго общества ¹⁾).

Такъ впервые возникло во Франціи *національное* сознание. Носителемъ этого національнаго сознанія было, однако, одно изъ старыхъ сословій. Это было третье сословіе, которое отнюдь не слѣдуетъ отождествлять съ буржуазіей. То, что Фихте и Лассаль называли «духомъ» соціальной жизни, покинуло оба привилегированныя сословія, всецѣло сконцентрировавшись въ третьемъ: третье сословіе было теперь подлиннымъ организаторомъ экономической жизни, оно же было вмѣстѣ съ тѣмъ носителемъ духовной культуры. *Фактически* оно было всѣмъ и *формально* оно было ничѣмъ согласно старому феодальному праву. Сознавая свою силу и глубокою соціальною справедливостью своихъ требованій, оно стремилось теперь къ господству, а такъ какъ оно было самымъ низшимъ изъ всѣхъ сословій, то его господство означало упраздненіе всѣхъ сословій вообще. Такъ его сословное самосознаніе совпадало съ національнымъ. И опять-таки современники ясно сознавали національ-

¹⁾ Объ этой полемикѣ ср. *Stephens*: н. с., стр. 55 и сл. Также *F. J. Neumann*; „Volk und Nation“, стр. 123, 1888 г.

ный характеръ требованій третьяго сословія. Указанное нами совпаденіе сословнаго и національнаго самосознанія является въ сущности темой извѣстнаго памфлета Сійеса. Если мы не ошибаемся, французская революціи впервые выдвинула эту интересную и игравшую впоследствии столь большую роль проблему совпаденія частнаго самосознанія съ сознаниємъ цѣлаго. По иному поводу и въ иной формулировкѣ въ сущности ту же идею развивалъ Фихте, полагавшій, что національное сознание объединяющейся Германіи совпадаетъ съ космополитическимъ сознаниємъ всего культурнаго чело-вѣчества. Эту же идею защищали Марксъ (подъ вліяніемъ изученія французской революціи) и Лассаль (въ значительной степени подъ вліяніемъ Фихте), указывая, что господство пролетаріата означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе классоваго господства вообще и что такимъ образомъ классовое сознание пролетаріата совпадетъ въ будущемъ съ національнымъ.

Это національное сознание высшаго своего напряженія достигло послѣ взятія Бастиліи—14 іюля 1789 года. Парижъ сообщилъ тогда всей Франціи «электрическій толчокъ» (какъ тогда выражались), который во всей странѣ вызвалъ полное энтузіазма творческое движеніе. Это истинно-національное движеніе уничтожило во Франціи старыя привилегіи и въ видѣ самовольныхъ коммунальныхъ и сельскихъ выборовъ создало новое право, новыя политическія учрежденія.

Широкими волнами прокатившись по всей странѣ, оно вернулось затѣмъ обратно въ Парижъ, гдѣ національное собраніе въ знаменутую полную одушевленія ночь 4 августа дало свою санкцію совершившемуся факту. Мы напоминаемъ здѣсь всѣ эти общеизвѣстные факты лишь для того, чтобы показать, какъ могуче и сильно было самосознаніе этой только что родившейся націи и какой характеръ носило оно въ то время, когда

вырабатывались политическіе взгляды тѣхъ, пока лишь извѣстныхъ только на мѣстахъ, людей, которые позднѣе въ законодательномъ собраніи и конвентѣ образовали жирондистскую партію. Во всѣхъ ихъ родныхъ городахъ и мѣстечкахъ имъ была дана рѣдкая возможность наблюдать «общую волю», ту «*volonté générale*», о которой говорилъ теоретикъ революціи Руссо и которая является необходимымъ условіемъ истинной демократіи, т.-е. господства всего народа, а не какой-либо одной его части, хотя бы самой значительной и сильной. Ибо только въ рѣдкіе моменты господства національнаго самосознанія осуществляется вообще истинная демократія. Какъ всѣ правовыя понятія, и понятіе демократіи чисто формально и носитъ атомизирующий характеръ. Оно имѣетъ въ виду не дѣйствительное индивидуальное общество, расчлененное на классы и состоящее изъ индивидуальныхъ группъ и лицъ, но однородный агрегатъ не отличающихся другъ отъ друга, разныхъ между собою атомовъ—гражданъ. Поэтому оно (какъ и вообще всѣ формальныя понятія) является лишь идеальнымъ понятіемъ нормативнаго характера, выражающимъ требованіе, а не фактъ, и осуществляющимся (*sum grando salis*, конечно) лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Такой подъемъ, такое единство національной воли были налицо въ рассматриваемую нами эпоху. Конечно, не всѣ французы были охвачены этимъ національнымъ чувствомъ. Многіе не только чуждались его, но даже относились къ нему враждебно. Но все это были, употребляя выраженія современниковъ,—«контръ-революціонеры», «аристократы», «антипатріоты». Даже болѣе чѣмъ «антипатріоты». Они не были даже «французами». Покинувъ подлинную «внутреннюю Францію», они составили «внѣшнюю Францію» ¹⁾ и вмѣстѣ съ tradi-

¹⁾ Такъ называли эмигрантовъ.

ціонними врагами этой «внутренней Франціи»—съ императоромъ и нѣмецкими государями—шли на нее войной. Эта внѣшняя опасность, грозившая независимости молодой націи, усилила и, такъ сказать, упростила тотъ подъемъ національнаго самосознанія, который въ эпохи великихъ революцій сопровождаетъ правовое и политическое творчество объединеннаго народа. Народная война укрѣпила то, что сдѣлала народная революція: она вдохнула новую жизнь, влила новыя силы въ молодую націю.

Въ то время, когда жирондисты дѣлали только свои первые политическіе шаги, это единство національной воли было еще достаточно сильно, хотя уже не было недостатка въ зловѣщихъ признакахъ будущихъ междоусобій. Уже до 10 августа, сейчасъ же послѣ вспышки національнаго чувства, связаннаго съ объявленіемъ войны и съ бѣгствомъ короля, разразилось первое кровавое столкновение на Марсовомъ полѣ. Кровавая авиньонская рѣзня была также предвѣстникомъ будущихъ столкновений между національностями, которыя, казалось, совершенно растворились въ единой французской націи. 10-е августа, которое, упразднивъ монархію, тѣмъ самымъ уничтожало послѣднее препятствіе, мѣшавшее еще свободному развитію революціонныхъ силъ, снова вызвало сильный подъемъ національнаго самосознанія. Съ этого дня, однако, начинается распаденіе націи, хотя никакое еще опредѣленное классовое сознаніе не замѣняетъ національнаго. Тѣ социальныя противорѣчія, которыя разрушающимъ образомъ дѣйствовали на первоначальное единство націи, это—несознанныя противорѣчія: потому они и носятъ неясный и страстный характеръ. Но мало того. Противъ этого частнаго классового сознанія существуетъ извѣстное предубѣжденіе. Какъ таковое, оно совсѣмъ не признается, оно старается поэтому принять національный характеръ. И такимъ

образомъ это неопредѣленное частичное социальное самосознаніе преобразовывается въ особое пониманіе націи.

Современныя партіи, которыя даютъ этому классовому сознанію законный и мирный выходъ, являясь нынѣ необходимымъ условіемъ всякой сколько-нибудь развитой политической жизни, были тогда не только неизвѣстны, но считались даже запрещеннымъ плодомъ. Даже слово «партія» (*faction*) было равнозначно слову «мятежная клика». Участіе въ партіи, а тѣмъ болѣе организація партіи считались нарушеніемъ патріотизма, преступленіемъ противъ единства націи. Въ представленіяхъ эпохи—и послѣ всего вышесказаннаго нетрудно понять, почему—понятіе партіи противорѣчило идеѣ національнаго единства, идеѣ единого національнаго представительства. *Представитель націи*—въ противоположность связанному мандатомъ *уполномоченному* старыхъ *сословій*—долженъ быть совершенно свободенъ, независимъ ни отъ какой посторонней организаціи. Практика современной парламентской жизни вполнѣ примирила такой взглядъ на народнаго представителя съ моральной зависимостью его отъ избирателей и съ подчасъ весьма сильной зависимостью его отъ посторонней партійной организаціи. Тогда, на зарѣ парламентской жизни, въ эпоху господства отвлеченныхъ формулъ, неиспорченныхъ прикосновеніемъ дѣйствительности, думали иначе. То, что было разъ въ дѣйствительности, что, какъ мы видѣли, однажды вполнѣ соотвѣтствовало фактическимъ отношеніямъ, — именно идея дѣйствительно единой «общей воли»—продолжало жить въ представленіяхъ эпохи, налагая печать свою на ея идеалы и практическія требованія. А между тѣмъ, мѣсто прежняго единого національнаго самосознанія заняла инстинктивная борьба социальныхъ противорѣчій. Пусть этому «постулату единодушія», пользуясь выраженіемъ Сореля¹⁾, и нельзя при-

¹⁾ *Sorel*: „Europe et la Revolution française“. Т. III, стр. 71